

М.В. Рагулина

ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ТОФАЛАРИИ

В годы коллективизации к этническому природопользованию сложилось отношение как к отсталому и нуждающемуся в немедленной модернизации. Практическое выражение это нашло в комплексе мероприятий по «улучшению» традиционного хозяйства. Проследив на основе архивных документов планы и действия по преобразованию конкретных отраслей традиционного хозяйства тофаларов, мы сможем реконструировать процессы его насильственной трансформации. Помимо этого, воссоздается образ «туземного хозяйства», сложившийся в сознании советских работников, вовлеченных в дело его переустройства. Особая важность данного периода заключается в том, что насильственная перестройка жизненного уклада изучаемого этноса во многом определила характер современных проблем и их спектр: от социально-экономических до этнопсихологических и гуманитарных.

Первоначальная концепция изменения традиционного хозяйства основывалась на стадийных подходах, а этническое природопользование рассматривалось как одряхлевшее и архаичное. Предоставление туземцев «самим себе» полагалось аналогом их вымирания, а развитие связывалось с переходом к новым формам хозяйства.

В качестве основных мероприятий в проекте было намечено создание «туземных» охотничьих хозяйств и закрепление за ними территорий, запретных для остального населения. Далее следовало обязательное создание «культбаз» — административных, хозяйственных и культурных центров, вокруг которых намечался постепенный переход кочевников к оседлости. Оленеводство предполагалось перевести в полуоседлую форму (так называемое «избенное» оленеводство, примером которого в то время были окинские сойоты). Проект подразумевал максималь-

но возможное развитие животноводства и снабжение населения через кооперацию необходимыми товарами и продуктами¹.

Подобная концепция была относительно «мягким» вариантом изменения традиционного жизнеобеспечения. Однако реальное развитие событий, в силу политических причин, имело более резкий и жесткий характер.

В Тофаларии национальное строительство началось по предполагаемому плану. В 1927 г. было основано Саяно-Карагасское охотничье хозяйство площадью 3 млн га, определены четыре пункта оседлости — Алыгджер, Гутара, Нерха, Уткум, где к августу 1929 г. обосновалось 26% семей-домохозяйств. Тяготение к «центрам будущей оседлости» имело естественный характер экономической заинтересованности. При этом все домохозяйства Тофаларии (за исключением трех) имели в собственности оленей и вели кочевой образ жизни. Население было охвачено снабжением через кооперацию, за счет кооперативных кредитов ссуд строительство жилья и приобретался молочный скот².

«Оптимизация» традиционного природопользования тофаларов в данный период сводилась к довольно точному выполнению плана Б.Э. Петри, причем оформлены такие действия были в виде «народных» инициатив. В доказательство приведем выписку из протокола восьмого съезда Карагасского тузсовета от 1–3 января 1930 г. Как естественное и хорошо понятное требование тофаларских промысловиков, документ предусматривал возбуждение перед окружным РИКом ходатайства о воспрещении въезда посторонних лиц и выселении незаконно (т.е. без ведома окружного административного отдела) въехавших. Но далее предполагалась поручить «Совету проработать вопрос об улучшении сенокосных угодий ... путем осушки и орошения существующих лугов»³. С точки зрения природно-географических условий Тофаларии, такая мера нерациональна: горные луга технически невозможно (да и не нужно) «осушать» или «орошать», а очаговые луговины в поймах рек имеют значительную площадь и достаточно увлажнены. Дефицит лугов и в настоящее время жестко лимитирует распространение скотоводства: не только численность поголовья крупного рогатого скота, но и количество лошадей определяется ограниченностью естественных кормовых ресурсов.

Охотничий промысел предполагалось «усилить» за счет увеличения затрачиваемого времени, а также «большого использования малодобываемых и совершенно не добываемых животных и большего использования малоопромышленных площадей». Принимая во внимание веками отточенный хозяйственный цикл тофаларов, учитывающий колебания основных биологических ресурсов жизнеобеспечения и транспортно-промысловые возможности хозяйственного коллектива⁴, становится ясно, что увеличить время, затрачиваемое на промысел, можно было только за счет уменьшения его в области столь же необходимой деятельности (такой как оленеводство), иными словами, породив дисбаланс в системе.

«Большее использование малоопромышленных площадей», в свою очередь, находилось в прямой зависимости с обеспеченностью здоровыми и сильными оленями и, следовательно, потенциально конфликтовало с тезисом о переносе центра тяжести на приоритет промысла. Помимо этого, здесь затрагивался (и мог быть нарушен) сложившийся порядок землепользования.

Создание сети ветеринарных пунктов, помимо оказания ветеринарной помощи, имело еще одну основную задачу: обучение туземцев «правильному» ведению оленеводства.

Горно-таежные ландшафты, значительные перепады высот, пересеченный крутосклонный рельеф определяли необходимость транспортного использования оленя в охотничьем промысле. В условиях горной тайги большое поголовье оленей содержать нецелесообразно как по экологическим причинам, поскольку это ведет к вытравливанию малопродуктивных таежных пастбищ, так и по экономическим, отвлекая от основного жизнеобеспечивающего занятия — охотничьего промысла, превращая охотника в пастуха. Поэтому доля охоты и оленеводства в системе жизнеобеспечения тофаларов чутко сбалансирована. Концентрация оленей была самой значительной в годовом цикле на летних высокогорных пастбищах, в зимне-осенний период олени «работали» на промысле и были рассредоточены вместе с кочевыми домохозяйствами в пределах семейных и родовых угодий. В связи с высокой транспортной ценностью следует отметить нехарактерность использования оленя на мясо: забой практиковался в экстренных случаях, в среднем — 1–2 головы

на одно хозяйство. До коллективизации выпас оленей осуществлялся по устоявшимся традиционным маршрутам, которые, как видно из таблицы, равномерно охватывали значительную территорию Тофаларии.

Распределение кочевых и полукочевых семей с оленями на летних пастбищах Тофаларии в 1928/1929 г.⁵

Район	Группировка семей с принадлежащими им оленями (голов)				Итого			
	кочевые		полукочевые		семей	%	оленей	%
	семей	оленей	семей	оленей				
Бассейн р. Кара-Бурень	6	102	1	27	7	7	129	10
Правый берег р. Уды вниз от Алыгджера	4	93	6	87	10	11	180	14
По р. Уде вверх от Алыгджера	18	255	5	16	23	24	271	22
Бассейн р. Джуглым	10	205	2	15	12	13	220	18
Саянский заповедник	18	209	2	4	20	21	213	17
Урянхайский край	16	168	7	62	23	24	230	19
Вся Тофалария	72	1 032	23	211	95	100	1 243	100

В январе 1930 г. политический курс в отношении традиционного хозяйства резко изменился. По инициативе Канского окружкома ВКП(б) был выдвинут лозунг стопроцентной коллективизации в Тофаларии, «как первый опыт перевода туземцев Севера на коллективное хозяйство»⁶. Основой колхозов предполагалось сделать крупностадное оленеводство мясошкурного направления, для чего планировались закупки оленей в Туве. Тип жилых построек также должен был соответствовать «духу коллективизма»: в документе было рекомендовано воздержаться от возведения индивидуальных домиков.

О воплощении принятых решений в жизнь свидетельствуют «Материалы обследования Тофаларского Туземного Совета 1933 г.»⁷. Коллективные хозяйства «Красный Охотник» (Алыгджер),

«им. Кирова» (Нерха), «Кызыл-Тофа» (В. Гутара) организовывались в форме смешанных охотничье-оленоводческих артелей, однако, на самом деле они представляли из себя коммуны. «Обобществлено было все, начиная юртами, и кончая ружьями и собаками. Коллективизация... была осуществлена в один месяц, всем вступающим в колхоз давали большие кредиты. С этого момента тофаларцы не видели в руках денег, и все функции сбыта пушнины, снабжения боеприпасами (в форме самой явной уравниловки) осуществляли ... руководители колхозов — русские, поскольку считалось, что тофаларцы сами не справятся с руководством»⁸.

Кардинальному изменению подвергалась вся система этнического природопользования. Комплексное освоение жизнеобеспечивающих ресурсов было подменено организацией «видовых» охотничьих бригад: отдельно — по соболю, белке и копытным: специализированных рыболовецких, женских — для сбора ягод и грибов. Социалистическим соревнованием обуславливался ежегодный рост плановых заданий: в 1934 г. планируемый уровень заготовок белки — 76 тыс. шкурок только в четвертом квартале составил 193% от всей добычи предыдущего года, на каждого охотника было добыто 700 белок, не считая других сортов пушнины.

Становление коллективного оленеводства началось с объединения личных оленей в три колхозных стада, переведенных на хозрасчет: «оленей стали выдавать охотникам за плату и хозяева платили за своих же оленей»⁹. Вскоре на суглан (съезд тофаларов) 1930 г. по инициативе райкома партии был внесен и одобрен проект по оленеводству: «В целях установления надлежащего управления и контроля за этой отраслью, а также планомерного проведения ряда необходимых мероприятий... объединение оленей признать недостаточным; становится необходимым объединение оленеводства — самостоятельной отрасли тофаларского хозяйства в возможно более широком масштабе»¹⁰.

В результате оленеводство встало на грань уничтожения: пегон отдельных стад в межколхозное на расстояние от 150 до 350 км, совпавший с отелом, вызвал падеж значительной части важенок и молодняка, а остальные олени, в силу биологического тяготения к постоянным местам отела, разбежались мелкими группами по всей тофаларской тайге.

После провала этого мероприятия с 1933 г. началось создание оленеводческих молочно-товарных ферм. До коллективизации доение важенок не было регулярным, и практиковалось только в летние месяцы на высокогорных, богатых кормами пастбищах. Среднесуточный удой составлял 200 граммов за весь период — не более 12–15 кг от одной важенки¹¹. Молоко считалось лакомством и в основном потреблялось детьми, не имея большого значения в жизнеобеспечении коллектива. Малые объемы удоя обусловлены необходимостью полноценного питания оленят. Руководство оленеводческих молочно-товарных ферм, стремившееся к достижению рекордных показателей, пренебрегло народным опытом. В 1933 г. продукция Алыгджерской и Гутаринской ферм составила 18 266 кг молока, 2368 кг масла и 2804 кг творога, от каждой дойной важенки было получено в среднем 70 кг молока, 11,2 кг масла и 12,5 кг творога. В 1934 г. к доению было намечено все поголовье взрослых важенок при увеличении числа ферм¹². Эти меры (к счастью, воплощенные не в полной степени) были бы эквивалентны уничтожению оленеводства. Массовый падеж оленят вследствие недокорма приписали «врагам колхозного строя».

Отдаленные последствия данного начинания, выразившиеся в ослаблении и измельчании поголовья, отмечены в 1960-х гг. С.Б. Помишиным¹³, который предупреждает о недопустимости заготовок продуктов из оленьего молока в целях сохранения тофаларского оленя — наиболее ценного в племенном и хозяйственном отношении.

Крупностадное оленеводство требовало перехода на новые методы выпаса и пастбищеоборота. Многовековой хозяйственный опыт резко расходился с ними. Поскольку у тофаларов, не существовало в чистом, «отраслевом» понимании охоты и оленеводства, «разведение» этих сплавленных в единую систему видов природопользования противоречило трудовым навыкам населения. Приведем одно из многочисленных документальных свидетельств. «В феврале–марте 1932 г. все стада были распущены. Пастухи ушли на промысел. При сборе в апреле–мае стад в каждом колхозе потеря доходила до сотни»¹⁴. В качестве предупредительной меры в дальнейшем предполагалось большинство мест выпаса приурочить к наиболее бедным промысловым

угодьям, чтобы оленеводы не отвлекались на промысел. Особо отмечалось, что «пастухи пасут оленей по старинке, как они пасли свои стада в 20–30 и меньше голов, и справляться со стадом в 400–500 голов им трудно»¹⁵.

Использование привычных маршрутов кочевания и пастбищ, той же системы выпаса, носившее в доколхозное время интуитивный природосберегающий характер, в результате резко-го увеличения поголовья становится хищническим. До начала 1960-х гг. в колхозах Тофаларии отсутствовал пастбищеоборот, наблюдалось вытравление угодий, прилегающих к хозяйственным центрам артелей; продуктивные, но отдаленные места выпаса не использовались совсем¹⁶. Малая оленеёмкость горно-таежных пастбищ в сочетании с нерациональным их использованием приводили в ряде случаев к полному уничтожению лишайникового покрова и смене растительности. Это отмечено как в 1930-х гг. — ягельники в верховьях р. Ненготы полностью заменены «ковром брусничника»¹⁷, так и в 1960-х гг.¹⁸

В новую систему жизнеобеспечения тофаларов внедрялись нетрадиционные виды хозяйственной деятельности. В первые годы существования колхозов было создано коллективное молочное животноводство и коневодство. Помимо этого, крупный рогатый скот имелся и в личных хозяйствах. Окончилась провалом попытка разведения сарлыков из-за недостатка кормов; завезенный в конце 1930–начале 1940-х гг. мелкий рогатый скот за несколько лет был истреблен охотничьими собаками. Оказались нерентабельными лисофермы, они также были расформированы в 1960-е гг.

Наиболее прочно привилось молочное животноводство. Однако фрагментарное распространение сенокосов и пастбищ, их приуроченность к сложным формам рельефа лимитировали увеличение поголовья. В 1940 г. в Тофаларском районе, как у коренных жителей, так и у мигрантов, учитывая приисковое население, содержалось 330 лошадей и 418 голов крупного рогатого скота¹⁹. И в настоящее время данная отрасль имеет важное значение в жизнеобеспечении тофаларов.

Внедрение растениеводства носило полупринудительный характер. Под колхозные огороды были отведены прилежащие к поселкам сенокосы, что ухудшило кормовую базу животно-

водства. Общая посевная площадь в 1940 г. составила по району 48 га, в том числе под зерновыми — 7, под картофелем — 13, под кормовыми и овощными культурами — 26 га²⁰.

Большинство тофаларов отмечают, что при колхозах потребности в овощах и картофеле большей частью удовлетворялись за счет местной продукции²¹. Тем не менее, растениеводство, исключая небольшие по объему посадки картофеля в личных хозяйствах, в значительной мере существовало за счет принудительных мер: с реорганизацией колхозов в промысловые хозяйства произошло резкое снижение посевных площадей.

Превращение личности в «работника», связанного жестким режимом, планом и контролем, шло параллельно с разрушением гармоничных социальных связей общины как субъекта доколхозного природопользования. Имущественная дифференциация при общей малооленности и нестабильности результатов промысла практически не проявлялась, а социальная напряженность возникала только при межэтнических контактах — при продаже пушнины, либо при заходе в тофаларские угодья пришлых промысловиков.

Сформированные структуры — от общего собрания колхозников до туземных Советов и Президиума национального округа носили формально коллективистский характер, создавая иллюзию прежней общинной жизни. Это отразилось в позитивной оценке периода нашими информаторами: «колхоз был ближе к людям», «все были вместе, все специалисты — свои, тофы»²². Наибольшее деструктивное влияние оказало использование коллективных структур в репрессивных целях, причем последствия этого не изжиты до настоящего времени.

В соответствии с политикой ликвидации кулачества как класса, в 1932 г., по решению тузсовета уже лишённые избирательных прав «кулаки», к которым относили хозяев, владевших более чем 20 оленями, и шаманы (в основном — бедняки) были подвергнуты значительным штрафам и отбыванию принудительных работ²³. В документе о перегибах в колхозном строительстве отмечено: «Кулакам и шаманам были даны нереально твердые задания, затем изъято все имущество, даже чайники и кули, они были оштрафованы и выселены за пределы района»²⁴. Эти репрессивные меры осуществлялись на глазах (и с участи-

ем!) бывших общинников, связанных ранее тесными соседскими, родственными и религиозными отношениями.

В этнических культурах таежных охотников-оленоводов, жизнеобеспечение которых основано на нестабильных источниках существования, традиции взаимопомощи являлись важнейшим адаптивным механизмом выживания в суровых условиях среды. Нарушение веками соблюдавшихся норм влечет не только распад системообразующих связей общины, но и деструкцию прежде целостной концепции мира отдельной личности. По нашему мнению, присущая таежным этносам в настоящее время общественно-политическая пассивность на социально-психологическом уровне является «следовой реакцией» на грубое вмешательство в сферу межличностных и тесно слитых с ними производственных отношений.

В качестве еще одного фактора этнической десоциализации следует отметить систему школьного образования. Школа с 1924 г. находилась в п. Сасырке, а в 1927 г. была переведена в Алыгджер. С момента основания школы учебный год начинался 1 января, поскольку «учащиеся от 10-летнего возраста и выше осенью идут на охоту за белкой и соболем вместе с родителями и родственниками, и промышляют 1–2 месяца»²⁵. При школе имелось охотничье оружие, в программу были включены курсы по охотоведению и промыслам, а для практических занятий имелось 2 винтовки и бердана, лодки, сети и удочки. Но с 1930 г. учебные программы были приведены в соответствие с республиканскими, прекратился отпуск школьников по домам, кроме летних месяцев. Такая практика воспитания способствовала разрывам в межпоколенной традиции передачи производственного и социального опыта. Существование детского дома в п. Алыгджер в 1940-х гг. — косвенное подтверждение распада общинных связей.

Последствия трансформации традиционного хозяйства достаточно глубоки. Оседлость стала определяющим фактором изменения ритмов природопользования. Нужды личного подсобного хозяйства, занятость на хозработках в колхозе и автономное существование крупностадного оленеводства повлияли на необходимость длительного проживания в поселке мужчин и постоянного — их семей. Все это определило перестройку хо-

зяйственного цикла. Прочно внедрились в систему жизнеобеспечения нетрадиционные виды занятий: растениеводство и молочное скотоводство. В условиях транспортной труднодоступности и по сей день они играют важную роль в жизнеобеспечении населения. Из традиционных видов этнического хозяйства в период коллективизации постоянство и прежние сроки сохранила только пушная охота, остальные являются трансформированными (оленоводство), либо ситуационно обусловленными (рыболовство, кедровый промысел).

Сплошная коллективизация тофаларов являлась первым по времени опытом массового перевода кочевого этноса на оседлость, поэтому сама Тофалария играла роль своеобразного «полигона» преобразований.

Примечания

¹ Петри Б.Э. Проект культбазы для малых народов Сибири. Томск. 1928.

² Подробнее см.: Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000. 163 с.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-1468, оп. 1, д. 7, л. 84.

⁴ См.: Рагулина М.В. Указ. соч.

⁵ ГАИО. Ф. р-1468, оп. 1, д. 7, л. 105.

⁶ Там же. Ф. р-2375, оп. 1, д. 43, л. 6.

⁷ Там же. Д. 97, л. 29–32.

⁸ Там же. Л. 30.

⁹ Там же. Л. 31.

¹⁰ Там же.

¹¹ Петри Б.Э. Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927.

¹² ГАИО. Ф. р-2375, оп. 1, д. 113, л. 22.

¹³ Помишин С.Б. Оленеводство в Тофаларии: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Иркутск, 1961.

¹⁴ ГАИО. Ф. р-2375, оп. 1, д. 127, л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ См.: Помишин С.Б. Указ. соч.

¹⁷ ГАИО. Ф. р-2375, оп. 1, д. 113, л. 35.

¹⁸ Дроздов И.П. Природные кормовые угодья Иркутской области и пути их улучшения. Иркутск, 1961.

¹⁹ Иркутская область: Экономико-статистический справочник. Иркутск, 1941.

²⁰ Там же.

²¹ Полевые материалы автора, 1992 г.

²² Там же.

²³ ГАИО. Ф. р-2375, оп. 1, д. 97, л. 51.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ Там же. Ф. р-1468, оп. 1, д. 7, л. 187.